

УДК 1 (091):122

## ГАРМОНИЯ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

© Р. Х. Лукманова

Башкирский государственный университет,  
Россия, Республика Башкортостан, 450074 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 273 03 06.

E-mail: lukmanovark@mail.ru

*В статье рассматривается философская категория «гармония», ее интерпретации с Античности до наших дней. Автор обращает внимание на необходимость обращения к этой категории для решения экзистенциальных проблем человека. С развитием общества, науки и информационных технологий человеческое существование не стало менее напряженным или более осмысленным. Социальные структуры не всегда в состоянии гарантировать стабильность и защищенность. Поэтому жизнь человека проходит в вечных поисках гармонии внешней (человека и окружающего мира) и внутренней.*

**Ключевые слова:** гармония, красота, благо, соразмерность, отношение, противоречие, целостность.

Категория «гармония» имеет давнюю историю. Она разрабатывалась еще в античной философии, и наибольшее значение для всей западноевропейской философской мысли имеют, по всей видимости, пифагорейские представления о гармонии мироздания.

Ю. А. Жданов отмечает, что древние греки обозначали 3 этапа развертывания мироздания: Хаос – Космос – Экос [1, с. 28–34]. Если Космос – это некая упорядоченность, организация бытия, то Экос – не просто организация, а оптимальная организация, «как должно». Экос имеет явную этическую и эстетическую окраску. Восхищает тот факт, что античные мыслители, пытаясь познать тайны мироздания/Космоса, уже видели возможность его совершенствования. Убежденность Сократа в том, что знание несет только добро, предвкусение греческими натурфилософами развития мира от просто порядка к благому порядку, может показаться наивным в эпоху постмодерна. Однако, по нашему убеждению, лучшие умы человечества за всю историю его существования осознанно или неосознанно разделяли этот древнегреческий оптимизм. Доказывается это просто: все они хотели улучшить мироздание, хотя бы путем объяснения, прояснения его, тратили всю свою энергию, жизнь на размышления, не имеющие, казалось бы, никакой утилитарной ценности. Но все эти «бесполезные» философствования действительно изменяли мир. Какими бы нам не виделись перспективы современной цивилизации, какие бы мрачные антиутопии мы не создавали, в конечном итоге человек верит, что лучшее впереди. Иначе – зачем жить?

Интересна в ракурсе нашего исследования предложенная современным отечественным философом В. Н. Сагатовским философия развивающейся гармонии. Он утверждает и «онтоантропологизм», и «антропокосмизм». Ничего принципиально нового здесь нет. Все сводится к тому, что «человек – это звучит гордо» и хорошо бы прекрасными делами и созиданием подкрепить это звучание. Однако пафос и общий оптимистический настрой философии В. Н. Сагатовского вполне понятен и

разделяется нами. «Если мы не хотим, – пишет Сагатовский, – попасть из Мастерской в какое-то неприличное заведение (с последующим переходом в морг), то путь один: образом мира должен стать Храм. Храм, посвященный не существу, находящемуся вне и над миром, но самой становящейся гармонии мира» [2, с. 25].

Экос / благой порядок, по нашему мнению, и означает воцарение гармонии в мире. Не просто некоторую упорядоченность бытия, его организацию тем или иным способом (Космос), а «должную» организацию, «как надо», «как будет правильно, хорошо». Если иметь в виду античное мировоззрение, то дискурсы этики и эстетики в нем сливались. Если выполнять то, что должно, это и будет прекрасно. Безупречно исполняя свой долг, человек будет в гармонических отношениях с социальной средой.

Впервые слово «гармония» появляется в античной мифологии. Гармония – дочь Ареса и Афродиты. Как отмечал А. Ф. Лосев, «Арес (которого не нужно понимать элементарно только как бога войны) является... богом вечного противоборства элементов. Афродита же объединяет эти противоборствующие элементы и пронизывает их взаимной любовью. ...Благодаря этому браку Ареса и Афродиты противоположности гармонизируются» [3, с. 14]. Родившаяся Гармония уже может проявляться в разных обликах: физическом – состояние мира, этическом – нравственность, социально-политическом – мирное сосуществование и т.д.

Известно, что первое теоретически разработанное учение о гармонии принадлежит пифагорейцам. Становясь из дочери Ареса принципом существования мира, Гармония утрачивает свое мифологическое содержание и антропоморфную форму и становится абстрактно-всеобщим понятием. Пифагорейцы считали мир совершенным и оптимально устроенным, поэтому первые представления о гармонии носили космологический характер.

Однако центральным понятие пифагореизма было все-таки число. Вполне естественно, что Гар-

мония у пифагорейцев тесно связана с пониманием числа. Число представляло собой синтез предела и беспределного. Беспределное распространяется и простирается в бесконечность, предел же ограничивает, останавливает это распространение, очерчивает определенные контуры. Этот впервые разграничивающий предметы и делающий их ясно отличимыми синтез предела и беспределного и есть число. Предел и беспределное способны соединяться в вещи и образовывать нечто единое, а именно – гармоническое целое.

Платон предложил универсальное толкование гармонии, относящееся как к строению мироздания, так и к нравственной и вообще духовной жизни человека. Во всех этих областях гармония, соразмерность – основа красоты: «Все доброе, без сомнения, прекрасно, а прекрасное нет может быть чуждо мере. Значит, приходится признать, что и живое существо, долженствующее оказаться прекрасным, соразмерно» [4, с. 535]. Платоновская гармония – это соответствие внешнего и внутреннего, слова и дела. Если части и целое соразмерны, а действия их согласованы, считал Платон, мы можем утверждать, что наблюдаемое явление приближается к гармонии. «Когда могучая и во всех отношениях великая душа восседает как бы на колеснице слишком слабого и хилого тела, или когда равновесие нарушено в противоположную сторону, живое существо в целом не прекрасно, ибо ему не хватает соразмерности как раз в самом существенном; однако когда в нем есть эта соразмерность, она являет собой для каждого, кто умеет видеть, самое прекрасное и отрадное из всех зрелищ» [4, с. 536]. И хотя гармония состоит из смешения физических элементов, природа ее не является физической, она не тленна, не преходяща. Гармония «невидима», «бессмертна», «прекрасна и божественна» [4, с. 536].

Ученик Платона Аристотель рассуждал о гармонии в своем знаменитом трактате «О душе». Он определял гармонию следующим образом: «Гармония в общественном смысле есть сочетание величин, которым свойственны движение и положение, когда они так прилажены друг к другу, что больше уже не могут принять ничего однородного; во вторых, гармония есть соотношение частей, составляющих смесь» [5, с. 384–385]. Неоднократно встречается у Аристотеля связывание понятий «гармонии» и «порядка». Он представляет гармонию как взаимный переход порядка и беспорядка. Но главным в философии Аристотеля было понятие «середины», того самого умеренного, равновесного состояния, которое он считал идеалом мудреца, избегающего крайностей. «Середина» находится между «избытком» и «недостатком», она является полнотой, которая уже не недостаточна, но еще не избыточна, и в этом смысле она – совершенство.

Понятие гармонии, введенное в философскую мысль античными мыслителями, сохраняет свою значимость и в Средние века. Религиозные фило-

софы, как нам кажется, даже острее ощущали необходимость категории гармонии, поскольку им приходилось объяснять вопиющую разницу между по-сторонним и потусторонним мирами. Так как гармония является одним из тех немногих философских понятий, которое, помимо логической формы, может быть представлено и наглядно-образно, она имеет широчайшую область использования. Коль нельзя по собственной воле перейти из этого мира в тот, горний, можно попытаться увидеть отблески того, совершенного, истинного, вечного, божественного в ограниченном, бренном, неустойчивом человеческом бытии.

Поэтому эстетическое (непосредственно-чувственное) измерение гармонии стало наиболее востребованным и, несмотря на изменившийся тип мировоззрения и другую эпоху, до сих пор является наиболее разработанным в мировой философской мысли. Возникает ощущение, что применять категорию гармонии в теоретическом познании, оперирующим абстракциями различного уровня, считается неуместной психологизацией, внесением личностного, субъективного начала в процесс выработки объективного знания. Что касается искусства – там понятно: «на вкус и цвет товарища нет», вся прелесть искусства – в субъективности, личностности, объективных параметров восприятия искусства выработать невозможно, да и не требуется. Другое дело – наука или рационалистическая философия. Опираясь на структуры разума и направляя свою деятельность на внешнюю, не зависящую от человеческого сознания действительность, они заявляют способность получить универсальное, общезначимое, объективное знание. Если конечная цель – обретение универсального, т.е. единого для всех, знания, то о соразмерности чего с чем может идти речь? Между чем и чем устанавливать равновесие? Отсюда понятна логика вытеснения категории гармонии из сферы рационального знания.

К счастью, личностное начало не так легко игнорировать, и современная наука уже отказалась от идеала объективности знания. Достойным (я бы сказала: гармоничным) ответом на бурное развитие классической науки в XVII–XVIII веках было возникновение экзистенциализма. Именно экзистенциальная философия помогает нам сейчас преодолевать разочарование, страх и тревогу, посеянные результатами научно-технического прогресса. Экзистенциальная философия, поворот к Человеку работают на восстановление (или установление) равновесия, на обретение гармонии.

Возвращаясь к пониманию гармонии в средневековой философии, скажем что она определялась посредством категории соотношения. Августин Блаженный, рассуждая об игре на музыкальных инструментах, замечал: «...при игре на различных инструментах, равно как и при пении, должно соблюдать определенное соотношение между высокими, средними и низкими звуками и интервалами между

ними, из чего образуется их гармоническое сочетание и определенный строй» [6, с. 87]. У него же: «Размышляя, я заметил, что любое тело представляет собою некоторое единство, единство же – прекрасно. Приятна также и гармония, согласованность единства» [7, с. 574]. Эти цитаты подтверждают нашу мысль о необходимости для религиозных мыслителей выявлять прекрасное, совершенное в этом мире. По-видимому, чтобы души человеческие могли, созерцая это, сами прийти в уравновешенное состояние, образовать внутреннее единство, что отвечает устройству мира божественного.

Однако настоящим апологетом гармонии выступил в Новое время Г. В. Лейбниц. Его знаменитая «предустановленная гармония» и характеристика нашего мира как лучшего из всех возможных в свое время вызвали большую волну критику и даже насмешек. Смею предположить, что идеи В. Н. Сагатовского тоже не без трудностей входят в поле современной отечественной философии. Та же экзистенциальная философия показала, что нам ближе, ярче переживаются такие состояния, как отчаяние, тревога, страх. Потому люди склонны обращать внимание, в первую очередь, на негативные стороны жизни, страдания и лишения. Буддизм признал страдания основой жизни и существует тысячелетия. Но востребован и уважаем он во всем мире не за это, а за то, что открыл «срединный» путь, за то, что показал, как уравновесить, нейтрализовать страдания и обрести гармонию с самим собой и с миром.

Для того, чтобы видеть благое, доброе, прекрасное в вещах и явлениях нашего мира, надо обучаться, тренировать свое восприятие, настроиться на трудный (особенно, для нерелигиозного человека) путь.

Лейбниц объяснял предъявляемое ему оппонентами несовершенство мира двумя моментами: во-первых, наш мир – еще не весь Универсум, а только мельчайшая часть его, а человеческая история – кратчайший миг истории Универсума. Так, почему же, «обладая столь малым опытом, мы осмеливаемся судить о бесконечном и вечном» [8, с. 287]?

Во-вторых, неверно понимать под «лучшим из миров» мир, состоящий только из благого, прекрасного, приятного и т.д. Такой мир был бы однообразным и монотонным, и быстро приелся бы. Так как сплошные удовольствия пресыщают и утомляют и, в конечном итоге, перестают приносить наслаждение. По мнению Лейбница, человеческий мир, пребывающий в противоборстве добра и зла, действия и страдания, красоты и уродства, как раз в целостности и разнообразии становится прекрасным и целесообразно устроенным. «Брошенное в землю зерно страдает, прежде чем произвести плод. И можно утверждать, что бедствия, тягостные временно, в конечном итоге благотворительны, поскольку они суть кратчайшие пути к совершенству» [8, с. 289].

Гармония вещей была для Лейбница принципом, в силу которого существует как можно более сущности. Все является взятым предельно, поскольку, чтобы нечто существовало именно так, у него должно быть наибольшее основание. Лейбниц пришел к выводу, что «...раз нечто существует, и раз не могло бы существовать все возможное, то, значит, существует то, что больше всего заключает сущности» [9, с. 90]. Отсюда следовало, что «существовать есть не что иное, как быть гармоничным» [9, с. 90]. Поскольку, по Лейбницу, сущность вещи заключается в ее монадах, и поскольку монады изолированы друг от друга («не имеют окон»), то оказывается вполне логичным его утверждение, что «в силу этой гармонии вещи ведутся к благодати собственными путями природы» [9, с. 90]. Существует много прямых высказываний Лейбница о том, что гармония не знает исключений. Она присуща органическому и неорганическому миру, всему физическому и всему духовному, включая отношения между ними. Нам кажется вполне оправданным и весьма актуальным положение, выдвинутое Лейбницем, о необходимости, т.е. закономерном характере гармонии, и о ее всеобщности.

После Лейбница, пожалуй, не было в истории философии мыслителя, настолько высоко поднявшего место гармонии в иерархии философских понятий.

Г. В. Ф. Гегель также обращался к категории гармонии, определяя ее именно как отношение, как «...соотношение качественных различий, взятых в их совокупности и вытекающих из сущности самой вещи» [10, с. 178].

«Понятие об отношении возникает как результат сравнения любых двух предметов» [11, с. 182] по выбранному или заданному основанию сравнения. Например, если предметы сравнивать по величине – получаем понятие о числовых отношениях, если сравнивать по времени, появлению или исчезновению – получаем понятие о временных отношениях, по участию в материальном производстве – понятие о производственных отношениях и т.д. Аналогично складываются понятия о любых отношениях.

Если мы признаем объективность вещей, то, следовательно, признаем и объективность их свойств и отношений, поскольку реальная природа свойств вещи может проявиться только в отношении, в связи с другими вещами. Таким образом, объективность отношений вещей приводит нас к признанию объективности гармонии как возможной характеристики отношений.

Первыми об объективности гармонических отношений говорили опять же античные философы, для которых «гармония уже была и чем-то телесным и чем-то осмысленным, уже была и чем-то материальным и чем-то предельным сразу и одновременно без всяких рассуждений и выводов, без всяких теорий или домислов, без всякого анализа и

доказательств... Ее можно было всячески описывать и расписывать, ее можно было всячески анализировать и обосновывать. Но всем этим усилиям человеческого ума и сознания предшествовало неделимое и очевиднейшее ощущение непосредственной данности самой гармонии, не выводное, но самодовлеющее» [3, с. 8].

Хотя попытку научного подхода к пониманию закономерного и объективного характера гармонических отношений предпринял лишь И. Кеплер, который ставил задачу найти такой закон, на основе которого гармоническое устройство Вселенной приобретало необходимый характер. Р. Декарт, И. Ньютон, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, Г. В. Ф. Гегель, Ч. Дарвин и ряд других философов и естествоиспытателей стремились положить в основу понимания сущности гармонических отношений их объективность и закономерность. Представляется, что во взглядах Лейбница и Гегеля эта проблема получила наиболее четкое выражение.

Для Гегеля гармония не была чужеродным понятием. Он стремился проанализировать восходящее к античности учение о гармонии и развить его дальше. Более всего Гегелю не нравилось понимание гармонии И. Кантом, в субъективизме которого он видел слабость. «Добро, – писал Гегель, – которое признается конечной целью мира, с самого начала определяется в кантовском учении как лишь наше добро, как моральный закон нашего практического разума, так что единство не идет дальше согласованности между состоянием мира и совершающимися в нем событиями и нашей моральностью. Кроме того, конечная цель – добро – есть неопределенная абстракция, каковой вынужден оставаться также и долг. ... Гармония между долженствованием и действительностью определяется Кантом как лишь субъективная гармония, которая должна быть, т.е. которая вместе с тем не обладает реальностью, как гармония, в которую верят, которая имеет лишь субъективную достоверность, а не истинность, т.е. гармония, которой не присуща соответствующая идее объективность» [10 с.180]. Очевидно, что Гегель утверждал необходимость относиться к гармонии как объективному явлению. В понимании Гегеля объективность гармонии представляла как соответствие некоторой реальной (материальной) действительности определенной идее, в данном случае гармонии.

И Аристотель, и Лейбниц, и Гегель, каждый своим путем пришли к выводу о закономерном и объективном характере гармонических отношений. Согласно Аристотелю, бытие, которое существует, по необходимости существует хорошо, и в этом смысле является началом. К такому же взгляду восходит и мысль Лейбница о необходимом существовании предельного, и положение Гегеля о разумности всего действительного.

Наиболее интересным нам представляется экзистенциальный подход. В человеческом существ-

вовании гармония присутствует не как категория, а именно как отношение. Отношение мы можем рассматривать как с объективной (собственно реальное отношение вещей), так и субъективной, экзистенциальной (переживание, осмысление человеком реального отношения) стороны. Гармония объективных отношений может быть осознанной и неосознанной, желанной или безразличной, важной или не очень. С позиций экзистенциализма, гармония уже не может быть безразличной или не важной. Человек, остро переживая противоречивость собственного существования, целенаправленно, но иногда неосознанно устремляется к гармонии. Источников противоречий во внутреннем мире личности – множество. Способность к саморефлексии побуждает человека к внутреннему диалогу, а диалог всегда предполагает наличие различных точек зрения, как минимум двух. Где есть различие, возможна конфронтация. Однако любой конфликт потенциально содержит возможность позитивного разрешения, конструктивного развития. Поэтому экзистенциальные муки вне стремления к гармонии могут привести к разрушению личности не только духовному, но и физическому (вплоть до суицида). И те же страдания в ситуации пусть неосознанной устремленности к гармонии (верующими она может пониматься как Бог) способствуют перерождению личности, обретению ею самотождественности, согласованности в своем внутреннем мире и отношениях с окружающей действительностью.

Как телесное существо человек конечен, он напряженно переживает свою физическую ограниченность, зависимость от времени. И этот конфликт конечного и бесконечного («антиномия всех антиномий» – по выражению о. П. Флоренского) рождает беспокойство, тревогу, страх. Столкновение с чередой смертей, потеря близких, осознание неотвратимости конца собственного существования ставят человека перед лицом сложнейших вопросов, наполняют внутренний мир чувством безысходности, трагизма, вызывают горечь, разочарование, страх. Осознание хрупкости человеческого бытия создает пограничную ситуацию, открывающую ранее неведомые свойства души, заставляет острее переживать каждое мгновение своей жизни.

Кроме того, проблема гармонии внутреннего мира человека напрямую связана с инстинктивными влечениями, деятельностью бессознательного. Если З. Фрейд оценивал современную ему культуру как подавляющую человека и приводящую к психическим заболеваниям, то в наше время проблем у человека меньше не стало. Психиатрам пришлось пересмотреть классификационные признаки психических заболеваний, чтобы не записать в больные все население развитых стран.

С развитием общества, науки и информационных технологий человеческое существование не стало менее напряженным или более осмысленным. Социальные структуры не всегда в состоянии га-

рантировать стабильность, защищенность и возможность максимальной реализации личных способностей.

Можно констатировать, что гармоническая целостность не часто встречается не только в социуме, но и в душевной организации отдельного человека. Не так много найдется людей, чтобы охарактеризовать их: это – целостная гармоническая личность. К тому же, как говорил Конфуций, о наличии человечности («жэнь») у данного конкретного человека мы можем судить только после его смерти. Думается, и здесь текучесть нашего физического бытия вносит свои коррективы: всегда сохраняет возможность достижения гармонии, в то же время делая ощущение обретенной гармонии зыбким и неустойчивым.

Однако, по утверждению Г. С. Батищева, «саморазорванный, трагически конфликтующий сам с собой индивид стоит неизмеримо выше цельнокаменной натуры, еще не затронутой никакими антиномиями культурной истории, а потому «верный себе, своему однородному естеству» [12, с. 30].

Когда в отношениях человека и мира появляется противоречие, «конфронтация», а человек начинает задумываться и пытаться согласовать свое развитие с развитием окружающей среды (идеи коэволюции тоже представляют свой путь к гармонии в объективном мире); когда «Я» не только начинает видеть «не-Я» (другие элементы системы внутреннего мира человека), но и допускать равноправие этих «не-Я» в рамках целостности, тогда уже можно говорить о гармонии в постулируемом нами смысле этого слова.

Человеческая жизнь – это процесс, постоянное движение от одного состояния к другому, и внешнему, и внутреннему. Как бы человек ни замыкался в себе или подчинял жизнь только собственным удовольствиям, ему все равно приходится как-то гармонизировать отношения между своими переживаниями сегодняшними и вчерашними, между людьми, обеспечивающими его существование и собой и т.п.

Таким образом, человек, не являясь постоянной величиной, представляет собой противоречие, которое заложено в условиях самого человеческого

существования. Это противоречие, разрастаясь, рано или поздно требует решения, которое может быть негативным или позитивным. Такое, «близкое к бифуркации» состояние человека Д. В. Пивоваров назвал «партитивной (парциальной) тотальностью (целостностью)» [13, с. 9]. То, что иногда кажется врожденным стремлением человека к «хорошему», скорее всего, есть динамика поиска новых решений. На каждой новой ступени, на которую восходит человек, возникают новые противоречия, которые заставляют его и дальше искать новые решения, двигаясь к конечной цели, – стать полностью человеческим и достичь совершенного единства с миром. Сможет ли человек достигнуть этой конечной цели, когда исчезнут поиск и конфликт (как учит буддизм), или это станет возможным только после смерти (как проповедует христианство), – неизвестно и, может быть, даже неважно. Важнее не достижение цели, а вера человека в то, что он может приблизиться к этой цели.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Жданов Ю. А. Завещанный нам Экос (eu-cos) как благой порядок и проблема его познания // Мир психологии и психология в мире (научно-методический журнал Академии педагогических и социальных наук). 1995. №2(3).
2. Сагатовский В. Н. Философия развивающейся гармонии в 3-х частях. Ч. 2: Онтология. СПб., 1999.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. М.: Искусство, 1994. Кн. 2.
4. Платон. Тимей // Платон. Сочинения в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч.1.
5. Аристотель. О душе // Аристотель. Сочинения в 4 тт. М.: Мысль, 1976. Т.1.
6. Августин Блаженный. О граде Божием. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
7. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Мн.: Харвест, 1999.
8. Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4 т. М., 1983. Т. 1.
9. Мещеряков В.Т. Гармония и гармоническое развитие. Л.: Наука, 1976.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974. Т. 1.
11. Философская энциклопедия. В 5 тт. / Гл. ред. Ф. В. Константинов. М.: Сов. энциклопедия, 1960-1970. Т. 4.
12. Батищев Г. С. Введение в диалектику творчества. СПб.: РХГИ, 1997.
13. Пивоваров Д. В., Нагевичене В. Я. Целостный человек (христианская традиция). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2005.

*Поступила в редакцию 05.04.2012 г.*